

Новицкая Вера Сергеевна

Заветные уголки

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
В31

В31 **Вера Сергеевна Н.**
Заветные уголки / Новицкая Вера Сергеевна – М.: Книга по Требованию, 2024. – 246 с.

ISBN 978-5-521-25393-7

Содержание: Без гнезда; Кисть винограда; Отец; Дядя Саша; Чужая; Болтушка; Нина;
Три пути; Верный друг; Лишний

ISBN 978-5-521-25393-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

БЕЗЪ ГНѢЗДА.

I.

Хотя на дворѣ стояли еще послѣдніе дни марта, но о снѣгѣ давно не осталось и помину. Яркое весеннее солнышко своими золотистыми лучами пригрѣло и освѣтило землю, молодая травка зеленѣла вдоль заборовъ и въ глубинѣ тянувшихся по сторонамъ канавокъ, а свѣжія душистыя почки деревьевъ готовы были распуститься отъ перваго теплаго дождика.

Почти во всѣхъ невысокихъ деревянныхъ домикахъ уѣзднаго городка окна были настежь, а по малолюднымъ улицамъ ребяташки, довольные тепломъ и наступившей съ нимъ свободой, собравшись кучками, играли кто въ лапту, кто въ бабки. Своей

обычной лѣнивой трусцой прохаживались равнодушныя свиньи, кое-гдѣ останавливаясь, чтобы поживиться сочной травкой или, не подѣливъ какого-нибудь лакомаго куска, грозно похрюкивали на своего соперника. При этихъ звукахъ побѣдоносно возсѣдавшія на большинствѣ изъ ихъ спинъ вороны и галки на минуту недоумѣваяще оглядывались, а затѣмъ снова принимались хозяйничать въ ихъ взъерошенной щетинѣ.

По одной изъ наименѣе бойкихъ улицъ городка, гдѣ, усѣвшись среди дороги, нѣсколько босоногихъ мальчугановъ затѣяли какую-то собственнаго изобрѣтенія игру въ камешки, медленно шель свѣтлорусый, высокій и тонкій мальчикъ лѣтъ пятнадцати. Рядомъ съ нимъ важно и величественно выступалъ громадный, желтый сенбернаръ, стараясь держаться у самой ноги своего господина и соразмѣрять шаги съ его неспѣшной походкой. Мальчикъ взглянулъ на противоположный конецъ улицы, и нѣжныя щеки его вдругъ вспыхнули, добрые, синіе глаза потемнѣли, брови недовольно сдвинулись.

На поворотѣ показалась фигурка дѣвочки, на видъ лѣтъ восьми, одѣтая въ сильно поношенное, вылинявшее ситцевое платьишко и обутая въ стоптанные съ чужой ноги башмаки. Голова ея не была ничѣмъ прикрыта; масса, какъ смоль черныхъ, вьющихся волосъ, спадая безпорядочными прядями на плечи и уши, обрамляла матовое, прозрачно-

блѣдное, продолговатое личико, на которомъ рѣзко выдѣлялись громадныя черныя глаза и казавшійся чрезвычайно яркимъ, сравнительно съ бѣлизной ли-

Медленно шель свѣтлорусый, высокій и тонкій мальчикъ...

ца, небольшой ротъ. Въ каждой рукѣ ребенокъ несъ по корзиночкѣ, основательно нагруженной бутылками, коробками и мѣшками изъ бѣлой испи-санной бумаги, неряшливо обмотанными сомнитель-ной прочности шнурками. Дѣвочка съ трудомъ пе-

реступала подѣ, видимо, непосильной тяжестью, стараясь въ то же время не слишкомъ замедлять шага. Она шла, сосредоточенно глядя на свою ногу, лишь изрѣдка вскидывая пушистыя рѣсницы, чтобы убѣдиться, не угрожаютъ ли ей на пути какія нибудь препятствія.

«Опять противная Малка нивѣсть что заставляетъ таскать эту несчастную Хасю»,—съ негодованіемъ подумалъ мальчикъ.

Онъ хорошо зналъ эту маленькую тщедушную дѣвочку, не то племянницу, не то такъ, дальнюю родственницу еврейки Малки Кугель, обладательницы «колониальнаго магазина», т.-е., другими словами, небольшой лавчонки шага въ три ширины и приблизительно столько же длины, гдѣ продавались печенья и керосинъ, сардины и самоварная мазь, на-ряду съ мыломъ, виномъ, одеколономъ и сахаромъ. На обязанности Хаси лежала, между прочимъ, и разноска купленного товара. Семья доктора Лутугина, къ которой принадлежалъ знакомый уже намъ мальчикъ Сережа, тоже тамъ забирала хозяйственные припасы, почему онъ неоднократно и видѣлъ дѣвочку. Безмолвно, словно тѣнь, входила она, безмолвно же выгружала принесенное въ кухню или въ столовую на столъ, односложно, съ выраженіемъ вѣчной тревоги и испуга въ печальныхъ глазахъ, роняла едва слышные «да» и «нѣтъ» на задаваемые ей вопросы и такъ-же безшумно, какъ тѣнь,

выскальзывала въ двери. Только одинъ разъ, дня два-три назадъ, хотя и съ большимъ трудомъ, но удалось Сережѣ добиться нѣсколькихъ словъ отъ этого ребенка, всегда внушавшаго глубокое состраданіе его отзывчивому сердцу.

Дворъ и огородъ, принадлежавшіе Малкѣ, непосредственно примыкали къ саду Лутугиныхъ, а потому до слуха мальчика не разъ долеталъ крикливый непріятный голосъ торговли, громко разносившей кого-то. Такъ было и послѣдній разъ. Сергѣй съ книгой въ рукахъ лежалъ въ натянутомъ между двумя деревьями гамакѣ, какъ вдругъ съ сосѣдняго двора раздался неистовый крикъ и визгливая гортанная брань, страшная возня; вслѣдъ за тѣмъ, гдѣ-то близко, около самаго забора слышался сдерживаемый, но горькій и жалобный плачь ребенка. Сережа поспѣшно подошелъ къ тому мѣсту, откуда онъ доносился: сквозь доски изгороди онъ замѣтилъ худенькую спину, вздрагивавшую отъ рыданій, и низко опущенную на тонкія грязныя ручонки темную головку Хаси. Дѣвочка съ испугомъ вскочила при первомъ же звукѣ его голоса, и Сережѣ стоило большого труда удержать ее и добиться хоть нѣсколькихъ фразъ. Всхлыпывая, она объяснила наконецъ, что разбила бутылку съ уксусомъ, изъ-за чего и разразилась вся эта страшная буря.

«Вотъ вѣдь непременно что-нибудь да свалится

у нея и теперь, а тогда ее эта вѣдьма опять колотить будетъ!»—припомнивъ видѣнную сценку, мысленно проговорилъ Сережа, слѣдя, не спуская глазъ, за фигуркой съ трудомъ переступавшей дѣвочки.

Едва успѣлъ онъ сдѣлать это предположеніе, какъ довольно объемистый, исписанный бумажный мѣшокъ, значительно выступавшій изъ краевъ большой корзинки, перекувырнувшись, тяжело упалъ на дорогу, тонкія стѣнки разорвались, и сахарный песокъ бѣлымъ блестящимъ снѣжкомъ разсыпался среди улицы. Продолжая держать обѣ корзины, дѣвочка, казалось, замерла на мѣстѣ, и глаза ея, полные ужаса, остановились на разорванномъ пакетѣ.

Звонкій веселый хохотъ раздался со стороны играющихъ мальчугановъ, десятокъ быстрыхъ босыхъ ногъ мигомъ очутился у мѣста происшествія и столько же успѣвшихъ загорѣть чумазыхъ рукъ потянулось къ добычѣ. При видѣ этого ужасъ дѣвочки достигъ высшей степени. Она поспѣшно поставила обѣ корзины на землю, собираясь защищать свое добро, но одинъ изъ мальчишекъ, торопливо и весело препровождавшихъ въ смѣющіеся рты горсти сахара, вдругъ ловкимъ движеніемъ завладѣлъ остатками мѣшка и во всю прыть бросился бѣжать со своимъ приобрѣтеніемъ. Тутъ дѣвочка безпомощно взмахнула руками и горько-горько зарыдала, уткнувшись лицомъ въ широкій засаленный рукавъ своего платышка, между тѣмъ

какъ остальные мальчуганы, сидя на корточкахъ, продолжали подбирать съ земли обильно разсыпанный по ней сладкій песокъ.

— Пошли вонъ, дрянные мальчишки! Чего вамъ здѣсь нужно? Ну-у!—громко окрикнулъ ихъ подоспѣвшій Сережа, но такъ какъ мальчики все еще

Дѣвочка горько-горько зарыдала...

медлили сократиться: — Возьми ихъ, Пиратъ! Возьми!—обратился онъ къ собакамъ.

Громадный, грознаго вида, въ сущности же добродушнѣйшій, еще молодой и игривый Пиратъ съ громкимъ лаемъ сдѣлалъ большой, веселый неуклюжий прыжокъ по направленію къ мальчикамъ, потомъ быстро повернулъ голову въ сторону Сергѣя,

размахивая своимъ пушистымъ хвостомъ, словно испрашивая одобренія, затѣмъ послѣдовало еще два-три скачка, сопровождавшихся громкимъ лаемъ. Всего этого было совершенно достаточно для того, чтобы мальчуганы съ визгомъ далеко разсыпались по всей улицѣ, а Сережа со своимъ спутникомъ остались одни возлѣ горько всхлипывавшей дѣвочки.

— Не плачь, Хася, не плачь, пустяки!—сталъ онъ утѣшать дѣвочку.

— Са... сахаръ... разсы... пался... сса... харъ... слѣ... дова... телю несла... шесть... фу... фунтовъ...—захлебываясь, проговорила дѣвочка и снова громко зарыдала.

— Перестань, Хася, успокойся, милая, мы все это уладимъ!—продолжалъ Сергѣй своимъ мягкимъ ласковымъ голосомъ.—Перестань, Малка ничего и знать не будетъ!.. Вотъ я сейчасъ...

Онъ торопливо сунулъ руку въ одинъ карманъ, пошарилъ въ другомъ.

— Подожди меня, я сію минуту,—опять обратился онъ къ дѣвочкѣ.—Постой вотъ тутъ, а ты, Пирать, кушъ, ну! Кушъ тутъ! Не бойся, Хася, не бойся, онъ не укуситъ, а покараулитъ, чтобъ безъ меня мальчишки тебя не обидѣли,—успокоилъ онъ ребенка, когда собака послушно улеглась возлѣ ея корзины на указанномъ мѣстѣ.

— Черезъ двѣ минуты я вернусь.—И Сергѣй торопливымъ шагомъ, почти бѣгомъ направился къ своему дому.

Пиратъ собрался было тоже слѣдовать за своимъ господиномъ, насторожилъ уши и хотѣлъ встать, но новое «кушь!» заставило его остаться на мѣстѣ, только уши продолжали быть любопытно приподнятыми, и глаза пристально слѣдили за удалявшимся мальчикомъ.

Черезъ минуту калитка дома Лутугиныхъ опять распахнулась и съ поспѣшностью и шумомъ захлопнулась вновь за появившимся изъ нея мальчикомъ; Сергѣй почти бѣгомъ пустился за уголъ, а еще черезъ 3—4 минуты показался оттуда съ бѣлымъ мѣшкомъ въ рукахъ, по виду роднымъ братомъ погибшаго на мостовой.

— На, получай, Хася, готово, дѣло въ шляпѣ!—проговорилъ прерывающимся голосомъ, сильно запыхавшійся и поблѣднѣвшій мальчикъ.—Клади мѣшокъ въ свою корзину и тащи, вотъ твоему слѣдователю сахаръ и будетъ. А теткѣ, смотри, ничего не говори, не къ чему ей знать. Слыхала? Ну, и больше не плачь, чего плакать? Теперь все слава Богу! Не будешь, Хася, нѣтъ?—ласково допрашивалъ Сережа, положивъ свою длинную узкую руку на кудрявую головку дѣвочки.

Хася подняла на него свои густо опушенные громадные глаза. Вмѣсто всегдашняго выраженія

забитости и испуга въ нихъ словно затеплилось что-то, какой-то внутренній свѣтъ, но затѣмъ опять крупныя слезы заволокли ихъ; дѣвочка схватила своими обѣими ручонками ласкавшую ея волосы руку и крѣпко припала къ ней губами въ то время, какъ двѣ горячихъ струи катились изъ ея глазъ.

Сережа смутился на минуту отъ этой неожиданной благодарности, что-то сжало ему сердце, и жалко, безконечно жалко стало ему маленькую забитую дѣвочку.

— Опять плачешь?—стараясь говорить шутливо, спросилъ онъ.—Ну, будетъ, будетъ! Иди скорѣй, а то слѣдователь сахару ждетъ. До свиданія. Пиратъ, ісі!—и Сергѣй, сильно взволнованный, пошелъ домой.

Дѣвочка долгимъ, глубокимъ взглядомъ проводила его, затѣмъ, приподнявъ свою ношу и наладивъ новый мѣшокъ, двинулась въ дальнѣйшій путь.

Давно-давно Хася и не запомнить, когда ей было такъ легко на душѣ; давно уже никто не говорилъ ей добраго слова, никто не приласкалъ ее, будто совсѣмъ никогда этого и не бывало, такъ длинны, безпросвѣтны и печальны тѣ четыре года, что живетъ она здѣсь у Малки Кугель. Прежде, когда еще жива была ея мама, такая же, какъ Хася, блѣднолицая, съ большими скорбными добрыми глазами, тихая, кроткая, всегда ровная, всегда спокойная,—не здѣсь жили они тогда, а въ другомъ большомъ русскомъ городѣ нанимали квар-